

УДК 9

DOI 10.31483/r- 557670

Поляков В.А.**«КАРАТЬ ВНУШИТЕЛЬНО ВСЯКИЙ КАПИТАЛИЗМ» – ЦЕЛЬ
ЛЕНИНСКОЙ МНИМО «НОВОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ»**

Аннотация: в статье, базирующейся на идиографическом пути познания, через анализ ленинских работ и принимавшиеся решения отрицается суждение о так называемой «новой экономической политике», якобы предполагавшей возвращение к частной собственности и товарно-денежным отношениям. Делается вывод, что то и другое было ликвидировано в период 1921–1939 гг., ставших хронологическими рамками НЭПа.

Ключевые слова: капитализм, НЭП, коммунизм, ВКП(б), Ульянов В.И. – «Н. Ленин», Наркомат юстиции.

В ряду многих проблем истории России XX века тема «новой экономической политики» (именно в кавычках. – прим. В.П.) всегда была заметной и никогда не уходила в тень других научных вопросов не только советской, но даже и западной историографии. Объяснять это можно целым рядом факторов. Во-первых, было связано с В.И. Ульяновым по партийной кличке «Н. Лениным» [1, с. 599] и являлось идеологической базой, а идеология все годы коммунистического господства играла у нас совершенно особую, громадную роль. Во-вторых, хотя провозглашалась та политика большевиками на краю политической пропасти ввиду «... недовольства не только значительной части крестьянства, но и рабочих», В. И. Ульянов – «Н. Ленин» всё же сохранял надежду на то, что это будет «в последний раз в истории Советской России» [9, с. 282]. А так как желаемое не стало действительным, и угроза краха всё это время продолжала дамокловым мечом висеть над устроителями «коммунистического рая», то и рассматриваемая проблема продолжала сохранять свою остроту.

При этом трактовалась она в нашей литературе, базировавшейся на марксистско-ленинской методологии, неким «светлым» отрезком на мрачном пути в коммунизм. Это мнение и по сей день господствует не только в научном сообществе, но и со школьных лет остается в сознании обывателя. А вот в действительности было иначе, что относится ко всем элементам мнимой «новой экономической политики». В том ряду лжи без конца повторялись ленинские утверждения об осереднячивании деревни, хотя происходило её обеднение; трубили о победе над голодом, который, инспирированный ленинской партией коммунистов, унёс за 1919–1925 гг. более 6 млн человеческих жизней; пытались убедить в том, что социализм и мир якобы неразделимы, а сам НЭП будто бы рассчитан на мир, и т.д.

Лукавство, как идейная подоплёка деяний партии коммунистов, было абсолютно зримым. Поэтому ему требовалось надёжное прикрытие. Этим прикрытием, в отношении заявляемого возвращения к товарно-денежным отношениям и частной собственности, по мысли В.И. Ульянова – «Н. Ленина», прежде были главным образом Наркомвоен и ВЧК, «теперь особенно боевая роль выпадала на долю НКЮста». Функции этого органа он детально конкретизировал в письме Д.И. Курскому от 20 февраля 1922 года «О задачах Наркомюста в условиях новой экономической политики» [8, с. 396–400], с которым в 1990-м году стоило бы познакомиться некоторым из наших горе-специалистов, в том числе полковникам и генералам от юстиции, прежде чем они переносили на бумагу небылицу о беззакониях, якобы начинавшихся со второй половины 1920-х годов, то есть по вине не первого вождя, а второго, то есть И. В. Джугашвили по парткличке «Сталин» [10, с. 103; 5, с. 15]. Такая трактовка является не просто блефом или заблуждением, здесь более опасное явление, которое должно именоваться не иначе, как провокационно-беспардонной ложью. И не меньше того. Ведь о том, что этот ленинский документ не был частным посланием, а являлся архиважным циркуляром, свидетельствует направление четырёх копий с него в адрес В.М. Скрябина по

парткличке «Молотов» для членов политбюро: Цюрупе, Рыкову и Енукидзе для членов Президиума ВЦИК.

По содержанию в нём зримо выделяются два направления. Первое: «Усиление репрессии против политических врагов Соввласти и агентов буржуазии (*в особенности* меньшевиков и эсеров); проведение этой репрессии ревтрибуналами и нарсудами в наиболее быстром и *революционно-целесообразном* порядке; обязательная постановка ряда *образцовых* (по скорости и силе репрессии; по *разъяснению* народным массам, через суд и через печать, значение их)...; воздействие на нарсудей и членов ревтрибуналов через партию в смысле улучшения деятельности судов и усиления репрессии; – всё это должно вестись систематично, упорно, настойчиво, с обязательной отчётностью (самой краткой, в телеграфном стиле, но деловой и аккуратной, с обязательной статистикой того, как карает и как учится карать НКЮст ту преобладающую у нас «коммунистическую» сволочь, которая умеет калякать и важничать, а работать не умеет)». Под «умением работать» автор письма имел ввиду проведение репрессий.

Вторым направлением у него стало отношение непосредственно к так называемому «НЭПу»: «Не менее важна боевая роль НКЮста в области *нэпо*, и ещё возмутительнее слабость и сонность НКЮста в этой области. Не видно понимания того, что мы признали и будем признавать лишь *государственный* капитализм, а государство, это – мы, мы, сознательные рабочие, мы, коммунисты. Поэтому ни к черту не годными коммунистами надо признать тех коммунистов, кои не поняли своей задачи ограничить, обуздать, контролировать, ловить на месте преступления, карать внушительно *всякий капитализм, выходящий за рамки государственного капитализма, как мы понимаем понятие и задачи государства*».

Уже такая, предопределённая первым вождём заданность в работе блюстителей социалистической законности, может поставить на предшоковую грань всякого здравомыслящего человека, обратившегося к этому документу. Но ещё более страшны и трудно характеризуемы те конкретные методы, кото-

рые предлагались на последующих страницах этой не иначе как преступной инструкции, раскрывающей ленинские тактико-стратегические замыслы.

Читаешь строки об организации «образцовых процессов против мерзавцев, злоупотребляющих новой экономической политикой», и через толщу лет слышишь металл грассирующего голоса и чувствуешь неумолимо-холодный взгляд Ильича, выводившего своей рукой: «НКЮст «забыл», что это его дело, – что не сумеет подтянуть, встряхнуть, перетряхнуть нарсуды и научить их *карать беспощадно, вплоть до расстрела, и быстро* за злоупотребления новой экономической политикой, это долг НКЮста. За это *он* отвечает».

А после слов о том, что «каждого члена коллегии НКЮста, каждого деятеля этого ведомства надо бы оценивать по послужному списку, после справки: ...скольких купцов за злоупотребления *нэпо* ты подвел под расстрел или под другое, не игрушечное наказание?», уже не будешь сомневаться в суждениях пролетарского баснописца Демьяна Бедного: «Твердо скажу, – не было ни одного человека, который бы не боялся справедливого (с чьей точки зрения? – *прим. В.П.*) ленинского гнева» [6, с. 535].

Этим гневом, красной нитью пронизывающим всё послание главы правительства в адрес наркома юстиции РСФСР, как цементом, был скреплён камень-глыба для фундамента советской социалистической юрисдикции на все последующие годы нашего неправового государства, коли предписывалось: «Не перенимать (вернее, не дать себя надувать тупоумным и буржуазным старым юристам, кои перенимают) старое, буржуазное понятие о гражданском праве, а создавать новое. Не поддаваться Наркоминделу, который «по должности» тянет линию приспособления к Европе, а *бороться с* этой линией, вырабатывать *новое* гражданское право, новое отношение к «частным» договорам и т. п. Мы ничего «частного» не признаем, для нас *все* в области хозяйства есть *публично-правовое*, а не частное».

В последних словах, как на ладони, раскрылся ещё один сущностный ленинский взгляд на экономическую модель социализма, но уже с правовой сто-

роны. И более точно, чем у «Н. Ленина» со словом «публично», при условии обязательного добавления – «развратное», то есть публично-развратное хозяйство, не скажешь. Ведь в итоге получился полный беспредел, какого человеческая практика ещё не знала. Только от лавр главного устроителя коммунистической страны-лупанара (Лупанар – публичный дом в древнем Риме. – *прим. В. П.*) он, наверное, ввиду своей коммунистической скромности, через сокрытие правды всегда пытался уйти. Об этом говорят те предложения, которые вносились по вопросу об ознакомлении с текстом членов коллегии НКЮОста и группы юристов в 100–200 человек исключительно коммунистов, коим «запрещалось под страхом партийной ответственности болтать о нем (об этом письме), ибо врагам показывать нашу стратегию глупо».

Вслед за этим председатель СНК жестко потребовал, «если НКЮОст не докажет рядом образцовых процессов, что он *умеет* ловить за нарушение этого правила и *карат* не позорно-глупым, «коммунистически-тупоумным» штрафом в 100–200 миллионов, а *расстрелом*, – тогда НКЮОст ни к черту не годен, и я буду считать своим долгом тогда добиваться от Цека полной смены ответственных работников НКЮОста».

И тут же уточнил: «Распределение указанной работы между всеми членами коллегии НКЮОста прошу Вас сообщить мне к кратчайший срок, чтобы я с полной точностью мог видеть, кто именно (кроме наркома, отвечающего за *все*), отвечает за такие-то отделы» ...

Только именно таким ленинским отношением к частнику, что расходилось с пропагандистской шумихой о возрождении частного сектора в экономике, можно объяснять позднюю публикацию этого письма, коли оно сопровождалось ещё и заглавной пометкой: «*С особой просьбой*: не размножать, только показывать под расписку, не дать разболтать, не проболтать перед врагами» и послесловие: «Ни малейшего упоминания в печати о моем письме быть не должно. Пусть, кто хочет, выступает за своей подписью, не упоминая меня, и побольше конкретных данных!»

Сопоставляя ленинские псевдоценные указания с реалиями практики, начинаешь воспринимать все предшествующие этому письму распоряжения лишь как цветочки. Подтверждением сказанному как раз и являются факты с родины автора этого письма. Такой пример предстаёт в информации о заседании Симбирского губернского ревтрибунала за 13 декабря 1920 года, когда по обвинению в заключении фиктивного договора со стороны инструкторов Наркомпрода Суслова и Чистякова с подрядчиком Беляковым для производства работ на овощесушильном заводе на мизерную по тому времени сумму в 300 тыс. рублей, они были приговорены: «Ввиду совершения преступления и вследствие упорного отрицания своей вины к высшей мере наказания – расстрелу, но в силу амнистии от 7 ноября 1920 года расстрел заменить 15 годами тюремного заключения с применением тягчайших принудительных работ» [4].

А вот ягодки последовали годом позже, то есть после выше цитируемого ленинского письма, когда, к примеру, в ежедневнике Симбирского губисполкома и губэкономсовещания «Экономический путь» за 6 мая 1922 года читаем, что «затянувшееся аж на два (?) дня разбирательство по делу шайки махинаторов завершилось вынесением приговора: 5 человек – к расстрелу, 12 – разные сроки тюрьмы и 3 – пока (?) оправданы». При этом о многом говорит и вот такое оправдание ревтрибунала: «Установив на судебном заседании усердную, неутомимую и самоотверженную деятельность бывшего начальника уголовного розыска товарища Кузьмина (ныне взятого на повышение) по борьбе с уголовным миром, ярко выразившуюся по данному делу, трибунал вынес ему от имени Республики благодарность» [12]. Это значит, что с послужным ленинским списком дела пошли по заданному им направлению.

После этого становится понятным, например, и то единогласие, с каким 9 февраля 1923 года все 13 человек из состава президиума Царицынского губкома РКП(б) постановили не отменять военное положение в губернии с целью, как говорили при обсуждении выступавшие, дать возможность ревтрибуналам применять на этом основании высшую меру наказания [11, л. 30].

Таким образом, борьба с частником ослабевать не будет. Более того, в конце 1920-х годов, с переходом к сплошной коллективизации сельского хозяйства и ликвидация частных хозяйств, она примет массовый характер. Именно тогда секретарь Нижегородского крайкома ВКП(б) А. Жданов, выступая 9 января 1930 года перед городскими рабочими, отправлявшимися в деревню в счет 25-тысячников, признался в том, что с момента принятия «НЭП был не политикой, а средством политики нашей партии» [3, л. 3]. И он же, но уже в должности секретаря ЦК ВКП(б), 18 марта 1939 года будет выступать на XVIII съезде партии с докладом «Изменения в уставе ВКП(б)». Указав, что «метод массовых чисток, введенный в начале НЭП'а, в период оживления капиталистических элементов, чтобы оградить партию от проникновения в ее ряды людей, разлагающихся в связи с НЭП'ом, — сделает вывод об этом методе, — как потерявшем почву для нынешней обстановки, когда капиталистические элементы ликвидированы». Затем эта констатация, повторённая слово в слово, вошла и в резолюцию съезда [2, с. 519, 668]. Учитывая то, что двумя годами ранее Конституция СССР зафиксировала «ликвидацию капиталистической системы хозяйства, отмену частной собственности на орудия и средства производства...» [7, с. 285], можно сделать однозначный вывод — ленинские установки 1921 года полностью были воплощены в жизнь к 1939 году. Это и есть хронологические рамки мнимо «новой экономической политики», целью которой было не плодить частную собственность и буржуазию, а ликвидировать и то, и другое.

Список литературы

1. Владимир Ильич Ленин. Биографическая хроника. 1870–1924. — Т. 1. 1870–1905. — М., 1970. — 628 с.
2. XVIII съезд Всесоюзной коммунистической партии (б). 10–21 марта 1939 г. Стенографический отчет. — Государственное издательство политической литературы, 1939. — 743 с.

3. Государственный общественно-политический архив Нижегородской области (ГКУ ГОПАНО). – Ф. 2. – Оп. 1. – Д. 265.
4. Заря (орган Симбирского губкома РКП и губисполкома). – 16.01.1921.
5. Исаев И.А. Переходная экономика нэпа (Поиск форм хозяйственно-правовой автономии и централистские тенденции) / И.А. Исаев // История СССР. – 1990. – №2. – С. 14–26.
6. Катаев В.П. Демьян рассказывает / В.П. Катаев. Собр. соч. – В 10 т. Т. 1. – М., 1983. – С. 531–545.
7. Конституция (основной закон) Союза советских социалистических республик. Утверждена Чрезвычайным VIII съездом Советов Союза ССР 5 декабря 1936 г. // Кукушкин Ю.С., Чистяков О.И. Очерк истории Советской Конституции. – М., 1987. – С. 285–313.
8. Ленин В.И. О задачах Наркомюста в условиях новой экономической политики. Письмо Д. И. Курскому. 20 февраля 1922 г. / В.И. Ленин. Полн. собр. соч. – Т. 44. – С. 396–400.
9. Ленин В.И. Пять лет российской революции и перспективы мировой революции. Доклад на IV конгрессе Коминтерна 13 ноября [1922 г.] / В.И. Ленин. Полн. собр. соч. – Т. 45. – С. 278–294.
10. Маслов В. Сталинские репрессии и советская юстиция / В. Маслов, И. Чистяков // Коммунист. – 1990. – №10. – С. 102–112.
11. Центр документации новейшей истории Волгоградской области. – Ф.1. – Оп. 1. – Д. 103.
12. Экономический путь (орган Симбирского губисполкома и губэкономсовещания). – 06.05.1922.

Поляков Вячеслав Александрович – д-р ист. наук, д-р ист. наук, д-р ист. наук, профессор кафедры теории и истории права и государства ФГКОУ ВО «Волгоградская академия МВД России», Россия, Волгоград.
